

ЗАНИМАТИОН по актерскому мастерству во ВГИКе сегодня нет. Но если очень соскучишься, можно в перерыв набросить пальто, промчаться вдоль корпуса студии Горького, вбежать на второй этаж и, переждав дыхание, заглянуть в дверь знакомого кабинета: «Здравствуйте, Сергей Аполлиналиевич!»...

«Сад и весна» — назывался фрагмент одного Герасимовского сценария. «Сад и весна» — образная характеристика учебной мастерской режиссера. Бурлящая энергия молодых сил, «зеленый шум», вечное обновление... Скольким прекрасным артистам дала мастерская путевку в искусство!

Сегодня собеседники корреспондента «ЛГ» — Герой Социалистического Труда Сергей Герасимов и его ученица Люба Полехина, только что превосходно сыгравшая главную роль в фильме «Дочки-матери».

— Кто вы, студентка третьего курса Полехина? Как пересеклась ваша дорога с кино?

Л. ПОЛЕХИНА. Все очень просто. Выросла в деревне под Курском. Папа — шофер, мама в школе работает. Закончила десять классов там же, в деревне, и поехала в Харьков, учиться в техникуме. Техникум не закончила, приехала сюда, в Москву. Когда я во ВГИК пришла, то поступить-то я поступила, но трудно было очень — конкурс большой, экзамены сложные, волнений много. Читала я басни, отрывки из рассказа Юрия Казакова «Манька»... Сдала общеобразовательные предметы и была зачислена в мастерскую С. А. Герасимова. Потом я заболела, долго лежала в больнице, а когда выписалась, мне предложили роль в фильме «Дочки-матери».

Люба скупа на подробности своей биографии. Между тем в Москве, еще до поступления в институт, ей пришлось специально исправлять с педагогом речь, дикцию, а денег лишних не было и жить было нелегко. Работала уборщицей, на трикотажной фабрике, дворником (и теперь, проходя по Пятницкой, вспоминает все выбоины «своего» тротуара).

С. ГЕРАСИМОВ. Этот курс набирал не я, а Т. Ф. Макарова. И, по-видимому, Люба произвела на Тamarу Федоровну впечатление тем, что по многим своим признакам соответствовала идеальному для нас абитуриенту: хоть и короткая, но очевидная биография, за которой угадывались характер, воля, а главное — личность. После первого же занятия и мне Люба запомнилась. Что привлекало в ней? Натура, свободная от всякого рода штампов, ненужных самоограничений и в то же время естественно приятная. Бывают естественно неприятные люди, когда человек раскрывается в своих наихудших чертах, а она сразу показала себя человеком общительным, заинтересованным в жизни, имеющим свою точку зрения на окружающий мир. И очень простодушным, я бы сказал, человеком. Простодушие это не от маленького жизненного опыта. Просто все ее взгляды, представления не эгоистичны. Она склонна во всем принять участие. Это в какой-то степени приблизило ее к роли, которую она потом сыграла.

— Попробуйте охарактеризовать нравственный «климат» мастерской.

Л. ПОЛЕХИНА. Институтская атмосфера для меня удивительна. Всегда вечером думаю: как жалко, что день прошел! Потом вспоминаю: завтра пятница, ее не только я, все ребята ждут, как большого праздника, — в пятницу Сергей Аполлиналиевич и Тамара Федоровна ведут занятия по мастерству. Для меня они теперь — как вторые родители. Каждый день в институте — это ступенька вверх.

С. ГЕРАСИМОВ. Да, курс очень быстро с Любой освоился, и она быстро освоилась с курсом. Необыкновенно коммуникабельна, выражаясь современным языком. Очень

легко общается с людьми, без претензии кокетничать, нравиться. Она — товарищ. Товарищ в самом высоком значении этого слова. Всегда готова помочь. Когда ее просят, чтобы она сыграла в той или иной студенческой работе, соглашается, даже если ей трудно. Студенты считают: если Люба возьмется, получится интересно... В ней есть та мера естественности, внутренней природной гармонии, которая так дорога в артисте. Повторяю, она — заинтересованная личность, а это я всегда особенно ценю в человеке — степень заинтересованности, степень от-

сунка, а с точки зрения ее внутреннего содержания — по-видимому, основной принцип нашей школы. Я бы никогда не заинтересовался актером, который может быть только исполнителем. Таким пустым сосудом, ожидающим наполнения. Таких актеров я никогда в жизни не снимал и никогда снимать не буду. Потому что мне интересно встретить соавтора образа, вкладывающего в этот образ живое дело, свою судьбу, свои знания, свою наблюдательность, остроту зрения, тонкость интонации и т. д. Все это и составляет суть настоящего актерского

ше, — сейчас не мечтаю и не хочу. Раньше все время думала о Джульетте. Но с каждым годом себя больше представляю и понимаю, что Джульетта не для меня. Не в смысле возможностей, возможности, наверное, есть — внутренние, эмоциональные, — но внешние данные... Я раньше думала: мол, все могу сыграть, а теперь начинаю понимать, что могу сейчас и что смогу потом. А планов я никогда не строю.

С. ГЕРАСИМОВ. И мы с Тамарой Федоровной, конечно, задумываемся над творческой судьбой Любы Полехиной. Нам хочется максимально сохранить ее для серьезной актерской работы. Она может играть самые разные роли и играет их в институте, каждый раз без осечек. Пока. Мы угадываем, что известное своеобразие ее речи, которое в фильме сыграло на сто процентов, может стать и препятствием. Уже сейчас Любу оценили

1974-й передает 1975-му премьеру нового фильма Сергея Герасимова «Дочки-матери» и первую роль в нем студентки ВГИКа Любы Полехиной, будущие гастролеры на трассе БАМа молодого грузинского эстрадного ансамбля «Аиси», юных клоунов на арене Московского цирка и кинодебют балерины Надежды Павловой. Может быть, спустя четверть века они — прославленные народные и заслуженные артисты — найдут старую подшивку «Литературки», дадут прочесть своим ученикам...

Новый год, новая рубрика «ЛГ» — «Клуб молодых».

ПЕРВАЯ РОЛЬ ЛЮБЫ ПОЛЕХИНОЙ

звучивости. Талант, с моей точки зрения, есть наивысшая форма отзывчивости.

— Фильм «Дочки-матери», кажется, двадцатая художественная картина Герасимова и актерский дебют Любы. Может быть, попробовать вернуться к съемкам...

Л. ПОЛЕХИНА. Оля Васильева — первая и единственная пока моя роль в кино. С режиссерами, кроме Герасимова, я не работала, а он на съемочной площадке все равно оставался для меня педагогом.

Сергей Аполлиналиевич никогда не навязывал мне свою волю. Вернее, идеи постоянно «подбрасывал», но вот чтобы сказать: «Делай именно так, как я хочу!» — этого не было. Он просто смотрел на меня, и я почему-то чувствовала даже по взгля-

творчества. Не произнесение текста, а его тончайшее исследование и «присвоение»...

Так вот, вся пластика Любы соответствует тому, что писал Володин. Ему, как и всякому писателю, создавшему характер, поначалу представлялось нечто иное. Но когда она читала, он сокровенно улыбался: «Боже, до чего точно!»

Она нас удивляла постоянно, предлагая нечто не предусмотренное режиссурой. Скажем, любопытнейшая сцена в прихожей, когда Оля выкладывает Вадиму Антоновичу свое мнение о нем. И он, совершенно ошарашенный, сбегает на улицу от этой идиотской ситуации. Понимая, что сделала что-то не то, предощущая драму, Оля стоит бледная, растерянная.

Люба Полехина и С. А. Герасимов

Фото А. ХРУПОВА

ду, так или не так делаю. Настоятельно интересно с ним работать, что я с особым удовольствием играла самые трудные, большие сцены. Например, там, где мы «цыганочку» тайцевали — это Герасимов придумал (в сценарии был попак). Режиссер знал, что я даже в «Ромэн» ходила учиться плясать.

С. ГЕРАСИМОВ. Когда Люба впервые читала вслух сценарий Володина, нас поразило: как тонко поняла она все, что там написано. Сразу, с ходу это было прожито.

Потом, на съемках, она иной раз подходила, спрашивала: «Можно, я так скажу?» Я соглашаюсь: «Скажи». И она говорила с удовольствием, потому что знала этот тип человека, этот характер не понаслышке. Подсказываю: «Это, собственно, почти твое «я». — «Ага, я поняла. Но она, Оля, немножко другая, конечно». — «Что ж, ты хочешь полного совпадения?» — «Нет, нет, не полное совпадение, но она совсем не обязательно должна быть именно такой всю жизнь. Нужно разную играть».

Вот это стремление «приспособить» к себе роль — не с точки зрения внешнего ри-

Даже сквозь легкий грим, который неизбежно накладывается в цветном кинематографе на лица актеров, проступает ее собственная бледность, растерянность рта и растерянность глаз... И переминание с ноги на ногу, когда она должна сообщить хозяйке дома, что ее муж, больной человек, ушел на мороз, когда старается понять, изумленная оборотом разговора: «Что такого я сказала?» — все это поразительно сыграно.

Она пытается не уронить себя в глазах очень уже ей дорогой женщины, не выставить себя полной дурой, ищет обтекаемую форму объяснения и вздрагивает от стука захлопнувшейся двери — это, по-моему, отличная саморежиссура!

— Что впереди? Не получится, как у иных хороших актеров: не работа, а ожидания еет...

Л. ПОЛЕХИНА. Я считаю, что в искусстве, а особенно у нас, актеров, планов не должно быть. Когда мы начинаем строить какие-то планы, то они тут же рушатся. Не только потому, что актеры снимаются тогда, когда их приглашают режиссеры. То, что я желала сыграть рань-

режиссеры. Она отказалась от многих предложений сниматься — решила сама, что сначала надо, не отвлекаясь, получить образование. В молодом артисте такое качество поневоле отметишь. Чаше, когда он где-то дебютирует в студенческие годы, тяга к съемкам, к самостоятельным средствам труднопреодолима. Надо иметь подлинное мужество для отказа.

Без работы она, конечно, не останется. Приступая к фильму «Юность Петра», мы видим ее, быть может, Санькой Бровкиной, как она написана Алексеем Толстым — вначале босоногая девчонка в сених, где леденеет кадка с водой, а потом первая дама молодого петровского двора.

Кроме того, вспоминаю, как Люба играла Островского и поразила нас совсем другой интонацией, другой пластикой. Помочь ей сохранить и умножить способности — это наше педагогическое дело. Помочь ей и всем другим ученикам. Команда у нас подобралась, как говорится, более или менее ровная. В «Клуб молодых «ЛГ»» придется еще приглашать многих.

Беседу вел
Р. ПОСПЕЛОВ

КЛУБ
МОЛОДЫХ